

«Скажи мне, что ты меня любишь...»: роман в письмах

Автор:

Эрих Дитрих

«Скажи мне, что ты меня любишь...»: роман в письмах

Марлен Дитрих

Эрих Мария Ремарк

Возвращение с Западного фронта

Одна из самых завораживающих и печальных историй любви XX века.

История романа самого прославленного певца «потерянного поколения» Эриха Марии Ремарка и самой знаменитой «фам фаталь» мирового кинематографа Марлен Дитрих, поведанная ими самими – в письмах, которые они писали друг другу.

Их отношения не были простыми.

В них вспышки страсти и нежности слишком часто сменялись непониманием, ревностью, недоверием и даже враждой.

Их отношения были и необходимы, и мучительны как для Дитрих, так и для Ремарка.

Они должны были закончиться плохо – и закончились плохо.

Но и сейчас письма великого писателя и гениальной актрисы трогают до глубины души...

Эрих Мария Ремарк, Марлен Дитрих

«Скажи мне, что ты меня любишь...»: роман в письмах

Вступление

Для общения с Марлен надо было иметь крепкие нервы. И вдобавок здоровый желудок, потому что от ее угощений любой мужчина мог свалиться под стол. «Суп из шампиньонов, отбивные котлеты, яичница-болтуня, мясо по-сербски с рисом и клецки с абрикосами», – записал Ремарк в дневнике (21 мая 1938 г.). Она предпочитала закармливать мужчин, нежели спать с ними, – поэзии кухни она отдавала предпочтение перед прозой спальни.

Но этого Ремарк знать не мог, он видел Марлен такой, какой ее видели все: звездой, вокруг которой вился рой вожделевских ее поклонников, кинодивой, появлявшейся в сопровождении сменявших друг друга кавалеров; в Зальцкаммергуте, например, ее спутником был Дуглас Фербенкс-младший. С тех пор как Голливуд перестал благоволить к ней, она проводила отпуск в Европе. Фильмы Дитрих более не пользовались успехом; последняя совместная работа Марлен с Джоозефом фон Штернбергом, открывшим ее для экрана, – «Дьявол – это женщина» (1935), – столь откровенно противоречила идеалам романтической любви, пестуемым тогдашним Голливудом, что «Парамаунт» предпочел с ней расстаться. Несколько последовавших за этим фильмов потерпели полное фиаско как в художественном, так и в финансовом отношении. 1 апреля 1937 года Ремарк посмотрел «Сады Аллаха», но в своем дневнике об игре Марлен не обмолвился ни словом. С этого времени Марлен стали считать в Голливуде «ядом для кассы», в списке любимых публикой кинозвезд она фигурировала в самом конце. Планы съемок всех фильмов по сценариям, написанным для Марлен, кинофирма «Парамаунт» отложила на неопределенно долгий срок и не настаивала на выполнении Дитрих условий подписанного с фирмой соглашения. Марлен могла бы принять приглашение любой другой фирмы. Если вдуматься, то вся ее невероятная слава объяснялась успехом одного-единственного фильма – «Голубой ангел» (1930), – и она столь же прибыльно, сколь и безуспешно старалась этот успех закрепить. Гонорары Марлен были невероятно высоки, поэтому ничто не заставляло ее хвататься за

любую предложенную роль, и Дитрих могла позволить себе долгие перерывы между фильмами. Расставшись с Дугласом Фербенксом-младшим, Марлен Дитрих в начале сентября 1937 года отправляется в Венецию, чтобы встретиться там со своим старым другом Джозефом фон Штернбергом, в то время таким же безработным, как и она сама.

У Ремарка сложилась почти аналогичная ситуация. Всемирную известность ему принесло одно-единственное произведение – роман «На Западном фронте без перемен» (1930). За всю историю книгопечатания только Библия по числу проданных экземпляров стояла впереди этой книги немецкого автора. Но и Ремарку пока не удавалось закрепить достигнутый успех. Подобно Дитрих, он, не будучи евреем, покинул Германию, презирая ее национал-социалистическую политику, и с тех пор жил либо в приобретенном еще в 1931 году доме в Порто-Ронко, на берегу Лаго-Маджоре, либо путешествуя по миру. Когда в начале сентября 1937 года Ремарк появился в Венеции, у него как раз осталась позади одна из многочисленных, но мимолетных связей – на сей раз с кинозвездой Хеди Ламарр.

В своей умной и просто пугающей книге «Моя мать Марлен» (1992) Мария Рива впервые открыла публике глаза на личные неурядицы блистательной кинозвезды. Со слов матери Мария Рива передает, как та описывала свою первую встречу с Ремарком:

«Она сидела со Штернбергом в венецианском «Лидо» за обедом, когда к их столу подошел незнакомый мужчина.

– Господин фон Штернберг? Милостивая госпожа?

Моя мать вообще не любила, когда с ней заговаривали незнакомые люди, но ее очаровал глубокий, выразительный голос мужчины. Она оценила тонкие черты его лица, чувственный рот и глаза хищной птицы, взгляд которых смягчился, когда он поклонился ей.

– Позвольте представиться. Эрих Мария Ремарк.

Моя мать протянула ему руку, которую тот учтиво поцеловал. Фон Штернберг жестом велел официанту принести еще один стул и предложил:

– Не присядете ли к нам?

– Благодарю. Если милостивая госпожа не возражает.

В восторге от его безупречных манер, мать слегка улыбнулась и кивком головы предложила ему сесть.

– Вы выглядите слишком молодо для того, чтобы написать одну из самых великих книг нашего времени, – проговорила она, не спуская с него глаз.

– Может быть, я написал ее всего лишь для того, чтобы однажды услышать, как вы произнесете эти слова своим волшебным голосом. – Щелкнув золотой зажигалкой, он поднес ей огонь; она прикрыла язычок пламени в его загорелой руке своими тонкими белыми кистями, глубоко втянула сигаретный дым и кончиком языка сбросила с нижней губы крошку табака...

Фон Штернберг, гениальный постановщик, тихо удалился. Он сразу распознал любовь с первого взгляда».

Их отношения, с виду такие естественные и легкие, складывались непросто. И завершились они драмой, которая нашла отражение в их переписке, в самых прекрасных, самых страстных и самых печальных любовных письмах. В итоге перед нами последняя великая история любви в XX веке, грандиозная иллюзия, полная лжи и самообмана, но освещенная изнутри бенгальским огнем образов Ремарка, который никогда не был писателем в большей мере, нежели чем в этих интимных письмах к своей холодной возлюбленной.

Одно из удивительно глубоких высказываний о Ремарке принадлежит Марии Рива: Ремарк «напоминал актера из героической пьесы, который всегда стоит за кулисами и ждет, когда же наконец ему подадут нужную реплику. А ведь он писал книги, мужские персонажи которых воплощали все те силы, что в нем дремали, но никогда не складывались в законченный характер. Как раз самым очаровательным его качествам так и не суждено было обрести свое место в портрете совершенного человека. Не то чтобы он не знал, как встать с этим портретом вровень, – он считал себя недостойным такого совершенства».

И действительно, Ремарку был свойствен сильный комплекс неполноценности. Успех, свалившийся на него совершенно неожиданно, он считал незаслуженным.

Он, разумеется, наслаждался независимостью, которая была обеспечена внезапным богатством: несмотря на приобретение предметов искусства и дорогие подарки, которые он постоянно посылал поклонникам, деньги продолжали литься к нему рекой, и гонорары из всех стран света казались неиссякающим источником. При этом Ремарк был твердо уверен, что не заслуживает таких гонораров, ибо как писатель не стоит этих сумм и, по сути дела, никаких значительных для читателя романов написать не может. Для этого, дескать, нужно быть хорошо образованным человеком, а не только экспертом по смешиванию экзотических спиртных напитков и любителем быстрых автомобилей, сумевшим, несмотря на свое скромное прошлое, стать львом светской журналистики. Купив себе в 1936 году энциклопедию в нескольких томах, он записывает в дневнике: «Верх буржуазности! Однако для людей без основательного образования и с таким количеством пробелов – подходит!» Похоже, что образец для подражания, который Ремарк для себя придумал, находился на высоте, практически для него недосягаемой.

Из-за недооценки себя и депрессий, пожар которых Ремарк пытался залить водопадами алкоголя, для Дитрих, человека скорее прагматичного и решительного, он был тяжелым партнером. В моменты внутренней раскрепощенности ему удавалось «сбить со следа» свою возлюбленную, подделываясь под ребенка: только тогда он пользовался ее полным и безраздельным вниманием. «Выдаю себя за мальчишку, она в восторге. Не то...» (Дневник, 27 октября 1938 г.)

Когда у Ремарка появлялось ощущение, что Марлей отдаляется от него или он сам становится одним из никчемных поклонников в ее свите, он превращался в маленького восьмилетнего Альфреда, который с детскими орфографическими ошибками писал письма «тетушке Лене» – с их помощью Ремарк надеялся вернуть Марлен к состоянию «влюбленной нежности» первых месяцев их знакомства. Что думала по поводу этих писем сама Марлен, нам, к сожалению, неизвестно, поскольку все ее письма Ремарку были впоследствии уничтожены его женой Полетт Годдар.

Марлен Дитрих украшала себя Ремарком. То, что он прослыл непревзойденным знатоком отборных вин, ее восхищало так же, как и его политическое чутье, и она повторяла вслух его суждения, будто они были ее собственными. Когда Марлен вернулась в Голливуд, Ремарк был вынужден сопровождать ее на официальные приемы и премьеры кинофильмов, причем она неукоснительно следила за тем, чтобы он выглядел фотогенично, «а не одутловатым или

чересчур загоревшим и т. д. Немножко противно, хотя и объяснимо» (Дневник, 7 апреля 1939 г.). Марлен тщательно просматривала газеты, чтобы проверить, достаточно ли привлекательно она смотрится рядом с ним. Эти фотографии знаменитой пары, опубликованные в печати, навредили писательской репутации Ремарка, возможно, больше, чем любые негативные рецензии: его общение с кинозвездами еще сильнее изолировало его от остальных литераторов, а подчеркнута роскошная жизнь Ремарка делала его человеком в политическом смысле подозрительным для множества эмигрантов, оставшихся без средств к существованию. Между тем стоит подчеркнуть, что в мишурном мире светского общества эlegantность Ремарка и его манеры были прямой политической демонстрацией: Ремарк хотел показать, что нацисты в «своей борьбе» еще не достигли победы. Лишь когда сам сдашься и будешь вести себя как беженец, как потерпевший крах и разбитый по всем статьям, тогда они действительно победят, говорил он. Втихомолку, без публичных жестов он помогал многим деньгами, а романисту Теодору Пливье и поэту Альберту Эренштейну пожизненно посылал «маленькие синие листочки», как он называл свои чеки.

«Полная, сладкая жизнь и немного страха, что это ненадолго», – записывает Ремарк в дневнике в Париже (21 мая 1938 г.), но всего два месяца спустя мы находим там же: «Я все больше склоняюсь к мысли уехать отсюда. В Порто-Ронко. В тишину, в вечера безысходности и одиночества, когда я буду проклинать себя за то, что уехал. Все становится ненадежным, я делаюсь ранимее, понемножку превращаясь в буржуа... Я совершаю поступки нелепые и глупые; я знаю об этом, совершая их, и совершаю их вопреки всему... Я должен быть один. Мне это не понравится».

Амбивалентность, то есть двойственность переживаний, будет сопровождать его долго. «Ночь – восторг. А вообще-то, похоже, все идет к концу» (Дневник, 4 августа 1938 г.). Отныне Ремарк, терзая себя, отмечает в дневнике, какие признаки его обидчивости и раздражительности, мнимые или действительные, могут быть истолкованы как предзнаменование близящегося конца их отношений с Марлей. Он досадовал на семейный клан, с которым путешествовала Дитрих («Не бывает любви с довеском в виде семейного обоза». Дневник, 4 августа 1938 г.), страдал от загадочного переплетения ее прусской благопорядочности и эротической вседозволенности. Она тревожилась, когда он не возвращался в отель, а пил где-нибудь всю ночь напролет; зато связь Марлен с необузданной авантюристкой Джо Карстерс с ее страстью к самолетам приводила Ремарка в отчаяние: «Работать. Работать. Прочь от пумы! Прочь, прочь! В этом нет больше никакого смысла» (Дневник, 30 сентября 1938 г.). Вопреки всем благим намерениям порвать с пумой по имени Марлен он был не в

состоянии: Ремарк вновь и вновь находил в себе силы для борьбы со всеми ее связями и с собственным одиночеством, которое силился обмануть уже своими связями, столь же многочисленными.

Хотя интимные отношения между Марлен и Ремарком закончились в 1940 году, Дитрих еще долгие годы оставалась возлюбленной его фантазии. 9 декабря 1938 года Ремарк приступил к работе над большим эмигрантским романом «Триумфальная арка», который наконец должен был излечить его от травмы быть знаменитым благодаря всего одной книге; многие письма к Марлен он с тех пор подписывает именем ее главного героя – «Равик». И чем дольше Ремарк трудился над романом, завершенным лишь в 1945 году, тем отчетливее главный женский персонаж книги, Жоан Маду, походил на портрет, причем не слишком лестный, Марлен Дитрих.

«Красавица, возбуждающая и пропащая, с высоко поднятыми бровями и лицом, тайна которого состояла в его открытости. Оно ничего не скрывало и тем самым ничего не выдавало. Оно не обещало ничего и тем самым – все».

В письме к Альме Манер-Верфель (1944) Ремарк горестно подытожил время, проведенное им с Марлей: «Знакомо ли тебе чувство, когда просто стыдно перед самим собой за то, что принимал всерьез человека, который был не более чем красивой пустышкой, и что ты не можешь заставить себя сказать ему об этом, а предпочитаешь по-прежнему любезничать с ним, хотя тебя уже тошнит от всего этого!» О борьбе, о сомнениях, о лжи и самообмане мы ничего не узнаем из его писем. Перед нами заклинания любви, для которой не было никакой почвы в реальной прозе жизни. Возникнув из глубины экзистенциального одиночества, эти письма были адресованы женщине, существовавшей исключительно в страстных желаниях Ремарка. Однако написаны они – и в этом тайна их особенно трогательной, нежной меланхолии, – написаны эти письма Ремарком, в сущности, себе самому. Это своего рода разговор с самим собой, сон наяву. Они, эти письма, не ждут и не требуют ответа; они – неизвестный до сих пор роман Ремарка, а по своей поэтической магии, по несокрушимой вере в колдовскую силу слова это последний любовный роман XX века.

Вернер Фульд

Предисловие

Из всех качеств, составляющих мир того Эриха Марии Ремарка, которого я знала, меня больше всего трогала его поразительная ранимость. Никто не ожидает найти детскую непосредственность в человеке, написавшем, возможно, самую цельную книгу о своем личном военном опыте; это особенно маловероятно, если прежде всего видишь в нем всемирно известного писателя, с такой уверенностью приемлющего и свою славу, и свою участь. А на деле его закованность в гладкий внешне панцирь, которую он столь тщательно имитировал, была щитом Ремарка, его изощренной защитой от того, что он сам до конца не познал.

Для меня он как настоящий человек открылся в изобретении Альфреда, этого волшебного маленького школьника, личного Сирано Ремарка, созданного им, чтобы ухаживать за моей матерью, Марлен Дитрих, чтобы обвораживать и околдовывать ее. Он проникал в ее сердце поверх тех эмоциональных барьеров, которые можно было воздвигнуть против обычных любовников. То обстоятельство, что ни Ремарк, ни Дитрих не поняли истинной глубины требовательности Альфреда, что чистота его сдержанности осталась незамеченной, – это всего лишь дополнительная потеря, с точностью вписывающаяся в жизнь Эриха Марии Ремарка.

Мария Рива

Письма

* * *

ЭРИХ МАРИЯ РЕМАРК из Порто-Ронко

(после 24.11.1937)

МАРЛЕН ДИТРИХ в Нью-Йорк

[Штамп на бумаге: «Эрих Мария Ремарк»]

MDC 212

Большая комната наполнена тихой-тихой музыкой – фортепьяно и ударные, – это все Чарли Кунц[1 - Чарли Кунц (1896–1958) – джазмен, пианист американского происхождения, «король попури»; высоты своей карьеры достиг в Великобритании, в 1930-е годы – самый высокооплачиваемый пианист в мире. – Здесь и далее, кроме оговоренных случаев, примеч. ред.], десятка два пластинок которого нанизаны на штырь моего проигрывателя. Это музыка, которую я люблю – чтобы отлететь, предаться мечтам, желаниям... Вообще-то мы никогда не были по-настоящему счастливы; часто мы бывали почти счастливы, но так, как сейчас, никогда. Согласись, это так. Иногда это было с нами, иногда это было с другими, иногда одно с другим смешивалось – но самого счастья в его полноте не было. Такого, чтобы не представить себе еще большего; все было словно приглашено, как и сейчас. Ты вдумайся – только будучи вместе, мы его обретаем.

Пылкая моя, сегодня ночью я достал из погреба в скале самую лучшую бутылку «Штайнбергер кабинет» урожая 1911 года – из прусских казенных имений, элитное вино из отборного предзимнего винограда. С бутылкой и с собаками я спустился к озеру, взбаламученному и вспенившемуся; и перед собаками, и перед озером, и перед ветром, и перед Орионом я держал речь, состоявшую из считанных слов, – и тут собаки залаяли; они лаяли, а озеро накатило белый вал, поднялся ветер, и мы ощутили на себе его сильные порывы, Орион замерцал, словно брошь девы Марии, и бутылка, описав дугу, полетела сквозь ночь в воду, как приношение богам за то, что несколько лет назад они в этот день подарили мне тебя.

Может быть, она достанется там, внизу, сомнам, которые будут перекачивать ее своими мягкими губами, а может быть, окажется у убежища старой замшелой щуки огромного размера, или у норы форели, узкое тело которой усыпано красными пятнышками; она вырожденка, эта форель, ей хочется мечтать, сочинять рифмованные форельи стихи и снимать быстротечные форельи кинофильмы; а может быть, через много-много лет, когда рты наши будут давно забиты темной землей, бутылка попадет в бредень рыбака, который с

удивлением вытащит ее, поглядит на старую сургучную печать и сунет в боковой карман своей штормовки. А вечером, у себя дома, когда минестра[2 - Минестра, или минестроне, – густой овощной суп с травами, бобами, кусочками лапши.] уже съедена и на каменном столе у кипарисов появятся хлеб и козий сыр, он не торопясь поднимется, сходит за своим инструментом и собьет печать с бутылки, зажав ее между коленями. И вдруг ощутит аромат – золотисто-желтое вино начнет лучиться и благоухать, оно запахнет осенью, пышной осенью рейнских равнин, грецкими орехами и солнцем, жизнью, нашей жизнью, любимая, это наши годы воспрянут, это наша давно прожитая жизнь снова явится на свет в этот предвечерний час, ее дуновение, ее эхо, – а не знакомый нам рыбак ничего не будет знать о том, что с такой нежностью коснулось его, он лишь переведет дыхание, и помолчит, и выпьет...

Но поздним вечером, когда стемнеет, когда рыбак уже давно спит, из ночи, словно две темные стрелы, вылетят две бабочки, два смутных ночных павлиньих глаза – говорят, будто в них живут души давно умерших людей, испытавших когда-то счастье; они подлетят совсем близко, и всю ночь их будет не оторвать от края стакана, со дна которого еще струится запах вина, всю ночь их тела будут подрагивать, и только утром они поднимутся и быстро улетят прочь; а рыбак, стоящий со своей снастью в дверях, с удивлением будет смотреть им вслед – ему никогда прежде не приходилось видеть в здешних местах таких бабочек...

* * *

ЭРИХ МАРИЯ РЕМАРК из Порто-Ронко

(25.11-07.12.1937)

МАРЛЕН ДИТРИХ в Беверли-Хиллз,

отель «Беверли Уилшир»

[Штамп на бумаге: «Эрих Мария Ремарк», слева]

MDC 505-507

Сейчас ночь, и я жду твоего звонка из Нью-Йорка. Собаки спят рядом со мной, на проигрывателе пластинки, которые я нашел: «Easy to love», «I got you under my skin awake from a dream»...[З - Имеются в виду песни американского композитора Коула Портера (1891-1964).]

Нежная! Любимая кротость! Среди мимоз, что вокруг моего дома, расцвела в последние дни маленькая ветка. На утреннем солнце она золотой гроздью свисает перед белой стеной. Мягкая, как твое сонное дыхание на моем плече...

Сладчайшая... иногда по ночам я протягиваю руку, чтобы притянуть поближе к себе твою голову...

...Но у тебя уже день, понемногу начинают зажигаться уличные фонари, ты стоишь посреди своей комнаты, кто-то пригласил тебя поужинать или сходить вместе в театр, на постели разложены твои вечерние туалеты, и ты не знаешь, надеть ли белое платье с золотым корсетом от Скиапарелли или черно-золотое от Алике. Или вон то, с черными блестками? Или красно-зеленое от Алике? А может быть, изящный костюм от Лануан, который опять будет царапать тебе шею? Или зеленовато-золотистое платье из Голливуда, из той же ткани, что и платье, которое было на мамаше Роша в «Максиме»? Или одно из тех, в греческую складку, от Виоме?

Дай мне сигарету, дорогая, – от примерок я устаю. А теперь взгляни в зеркало. Светлое, любимое лицо! Ты коротко встряхиваешь головой, отбрасывая волосы назад. Одно плечо опять ниже другого. И все как-то перетягивается вперед, придется Тобиасу согласиться. И даже господин Шеербаун, лицо у которого более багровое, чем у коротышки в углу, вынужден будет подтвердить. А когда ты снимаешь жакеты, они соскальзывают со слегка отставленных плеч, будто их снимает с тебя ангел.

Ничего не забыл? Ах, нуда! Пальто, эта накидка лешего. Опять ночью было полно домовых. Как оно раздувается по бокам – будто щека у хомяка. Не говоря уже о том, что оно распахнуто. О ты, терпеливейший из всех падших ангелов! А потом опять будет китайский чай у Смита. И кексы, и корнфлекс. И злые шутки, и гогот, и пустая болтовня. Но сначала ты расчешешь волосы черным гребнем. Наклонив голову набок, будешь часто продирать их торопливыми движениями, невзирая на боль. А потом вздох, взгляд ниоткуда и никуда, неуловимая улыбка,

обращенная ко всем и ни к кому в частности, быстрая прогулка и теплое вечернее дыхание далеких Елисейских полей...

Милая! Ангел западного окна! Мечта светлая! Я никогда больше не буду ругаться, когда ты убежишь от больного ишиасом старика. Золотая моя, с узенькими висками и глазами цвета морской волны, вдобавок я обещаю тебе никогда не ругаться из-за проклятого шелкового одеяла, за которое цепляются пальцы ног...

Малышка с катка! Добытчица денег! Тепло ли ты одеваешься, выходя из дома? Опекает ли кто-нибудь тебя? Не снимай никогда своих теплых варежек, а не то отморозишь пальцы! Продувай время от времени варежки своим дыханием! Мы еще сходим с тобой в самую большую кондитерскую, и я закажу тебе какао со взбитыми сливками и огромное блюдо с яблочным пирогом. Тем самым, где поверху такой мудреный крест. И голову мавра. А взбитых сливок закажем, сколько пожелаешь.

Но какой во всем этом прок – обманываться воспоминаниями, когда я люблю тебя, милая, и мне тебя ужасно не хватает; я заставляю себя не думать об этом – о темноте, о том мгновении, когда я пришел к тебе, а свет был выключен, и ты бросилась из темноты в мои объятия, и распалась комната, и ночь распалась, и мир распался, и твои губы были самыми мягкими на земле, и твои колени коснулись меня, и твои плечи, и я услышал твой нежный голос – «входи, входи еще...» – трепетная, о бесконечно любимая...

* * *

ЭРИХ МАРИЯ РЕМАРК из Парижа

(после 07.12.1937)

МАРЛЕН ДИТРИХ в Беверли-Хиллз,

отель «Беверли Уилшир»

[Штамп на бумаге: «Отель "Пренс де Галль"»]

Но что же мне делать в этом городе – он уставился на меня, стоглазый, он улыбается, и машет рукой, и кивает: «А ты помнишь?» – или: «Разве это было не с тобой?» – он воздевает передо мной ладони, и отталкивает руками, и нашептывает тысячи слов, и весь вздрагивает и исполнен любви, и он уже не тот, что плачет и обжигает, и глаза мои горят, и руки мои пусты...

Больше не выдержать! Я хотел научиться хранить спокойствие и ждать, я ни перед чем не останавливался, чтобы обмануть себя, я говорил: «Скоро», и еще: «Она не исчезла отсюда», и еще: «Всего несколько недель осталось», – но больше это не получается.

Этот город восстает против меня, швыряет меня туда-сюда, улицы болтают о тебе, и дома, и «Колизей», и «Максим» – сам я нигде не был, но они приходили ко мне, в мою комнату, они стоят передо мной и спрашивают, спрашивают...

Такого никогда не было. Я погиб. Меня погубила черная мерцающая подземная река, погубил звук скрипки над крышами домов, погубил серебристый воздух декабря, погубила тоска серого неба, ах, я погиб из-за тебя, сладчайшее сердце, мечта несравненной голубизны, свечение растекающегося над всеми лесами и долами чувства...

Сердце сердца моего, так не было никогда. Беспокойное счастье, сплетение лиан, крики из жарких, лихорадочных ночей... Разве я когда-то испытывал это: нежность? Разве не оставалось всегда пустое место, пятно не захлестнутого ею Я, холод из неведомой дали?

Этого нет больше. Нет накатывающегося вала; это приключение без женщин, эта безумная последняя попытка удержать неуловимое: тебе следовало бы лежать на моем плече, мне так хочется ощущать твоё дыхание, ты не должна уходить, ах, жизнь слишком коротка для нас, а сколько без тебя уже упущено и утрачено...

* * *

ЭРИХ МАРИЯ РЕМАРК из Парижа

(после 07.12.1937)

МАРЛЕН ДИТРИХ в Беверли-Хиллз,

отель «Беверли Уипшир»

[Штамп на бумаге: «Отель "Пренс де Галль"»]

MDC515-516

Любимая, вчерашний день я провел вместе с Руди[4 - Руди - Рудольф Зибер, муж Марлен Дитрих. - Примеч. нем. издателя.] и Тами[5 - Тами - Тамара Матул, подруга жизни Рудольфа Зибера. - Примеч. нем. издателя.]. Они были милы, в отличном настроении, и в третий раз рассказали мне историю о том, как ты прямо с яхты дала им телеграмму, и еще о том, что собираются подыскать для тебя пояс, и это после того, что ты всего несколько дней назад дала им понять, что в следующий раз сделаешь это сама. Они были ужасно горды тем, что без них, значит, никак не обойтись. Руди страшно занят и счастлив - теперь никто не сможет уверять его в том, что, вообще говоря, все обстоит не так уж плохо. Оба они и впрямь не столь сильно расстроены, как обычно.

Ты я - вот оно и написалось! - я-то собирался написать «ты и я» - но так уж оно вырвалось из головы, и я нахожу, что «ты я» куда лучше! Итак: ты я, у нас с тобой есть прекрасное качество: сбивать людей с толку, хотя нам меньше всего этого хотелось бы; мы сбиваем их с толку, и все тут - может быть, потому, что мы спокойнее их, или потому, что нам нет дела до того, что для них важно, не знаю. Они считают нас невероятно сложными, при том что мы сами себя считаем простыми донельзя. Но как бы мы ни поступали, мы сбиваем их с толку. Самих себя мы с толку никак не сбиваем. Наоборот, нам столько известно друг о друге, что мы могли бы играть в покер с открытыми картами. Вот почему надо приложить невероятные усилия, чтобы мы действительно поссорились. Да и то в конце концов выйдет полссоры, так что под конец скорее всего - увы! - мы просто не сможем сдержать ухмылки.

Малышка, головка моя обезьянья, сегодня я опять мылся твоим миндальным мылом из арденнского пакета – оно для меня как награда, и я обращаюсь с ним очень экономно, чтобы его хватило до моего отъезда; сейчас малость похоже на то, будто ты меня отскоблила. Да, отскоблила; и этот Симмот опять был тут как тут и опять никак не мог припомнить всех имен и фамилий ни во время массажа, ни потом, орудуя шваброй при скоблении, – ну, теперь-то я ни в коем разе не импотент.

Удивлению Руди и Тами не было предела – я удовольствовался одной лишь баденской водой. Она самая лучшая – та вода, что с гуся, стоила бы дороже, если бы встречалась не так часто.

Не близится ли потихоньку время в очередной раз убедиться, что есть мед в постели? Я верен тебе всецело, это ужасно, но дается мне, кстати, без малейшего труда.

* * *

ЭРИХ МАРИЯ РЕМАРК из Порто-Ронко,

Парижа, Антиба или Беверли-Хиллз

(после сентября 1937 г.)

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Чарли Кунц (1896–1958) – джазмен, пианист американского происхождения, «король попури»; высоты своей карьеры достиг в Великобритании, в 1930-е годы – самый высокооплачиваемый пианист в мире. – Здесь и далее, кроме оговоренных случаев, примеч. ред.

2

Минестра, или минестроне, – густой овощной суп с травами, бобами, кусочками лапши.

3

Имеются в виду песни американского композитора Коула Портера (1891–1964).

4

Руди – Рудольф Зибер, муж Марлен Дитрих. – Примеч. нем. издателя.

5

Тами – Тамара Матул, подруга жизни Рудольфа Зибера. – Примеч. нем. издателя.

Купити: https://tellnovel.com/ditrih_erih/skazhi-mne-hto-ty-menya-lyubish-roman-v-pis-mah

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)